

УДК 94(470)+94(73)

DOI: 10.31857/S268667300009771-8

Вопрос о кредите в отношениях СССР и США, 1944–1947 гг.

К.В. Минкова

Санкт-Петербургский государственный университет.

Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург.

Университетская набережная, д. 7–9

ORCID 0000-0001-5833-6808 e-mail: k.minkova@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 26.03.2020.

Резюме: В статье рассматривается ход переговоров между Москвой и Вашингтоном о предоставлении Советскому Союзу послевоенного кредита на восстановление экономики. Переговоры между американской и советской сторонами по этому вопросу начались в 1943 г. и в первое время развивались довольно успешно, хотя и не быстро. Однако в начале 1945 г. позиция Вашингтона резко изменилась: в предоставлении СССР займа администрация США стала видеть рычаг давления на Москву. Этими же соображениями руководствовался вступивший в должность президента США в апреле 1945 г. Г. Трумэн. В августе 1945 г., в связи с принятием закона «О расширении полномочий Экспортно-Импортного банка», Советскому Союзу фактически было предложено начать переговоры с чистого листа, а осенью того же года запрос СССР о предоставлении миллиардного кредита был «утрачен» в ворохе бумаг Администрации внешнеэкономической помощи. В начале 1946 г. вопрос о займе уже рассматривался правительством США в связке с другими экономическими проблемами в советско-американских отношениях, а к лету 1946 г. и вовсе утратил свою актуальность для американской стороны.

Статья написана на основе советских и американских архивных документов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Автор приходит к выводу о том, что неспособность Москвы и Вашингтона прийти к консенсусу в вопросе о предоставлении кредита стала дипломатическим провалом для обеих сторон и сыграла значительную роль в усилении политической конфронтации между двумя странами.

Ключевые слова: Вторая мировая война, А. Гарриман, долгосрочный кредит, В. Молотов, Франклин Д. Рузвельт, Г. Моргантау, советско-американские отношения, И. Сталин, Г. Трумэн

Для цитирования: Минкова К.В. Вопрос о кредите в отношениях СССР и США 1944–1947 гг. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2020; 50 (6): 75-91. DOI: 10.31857/S268667300009771-8

Credit Issue in Soviet-American Relations, 1944–1947

Kristina V. Minkova

Saint-Petersburg State University.

7–9 Universitetskaya Emb. Saint Petersburg, 199014 Russian Federation

ORCID 0000-0001-5833-6808 e-mail: k.minkova@spbu.ru

Received 26.03.2020.

Abstract: The course of talks between Moscow and Washington on the provision of a post-war credit to the Soviet Union is discussed in the article. Negotiations between the American and Soviet sides on this issue began in 1943 and initially developed quite successfully, although not quickly. However, in early 1945, Washington's position changed dramatically: in providing the USSR with a credit, the Roosevelt administration began to see a lever of pressure on Moscow. After coming to the post the new U.S. President G. Truman was guided by the same considerations. In August 1945 in connection with the adoption of the law on expanding the powers of the Export-Import Bank, the Soviet Union was actually invited to start negotiations from scratch, and later that year, the USSR's request for a billion-dollar loan was "lost" in papers of the Foreign Economic Administration. In early 1946, the issue of credit began to be considered by the U.S. government in conjunction with other economic problems in Soviet-American relations, and by the summer of 1946 it had completely lost its significance to the American side.

The article is written on the basis of Soviet and American archival documents, many of which have been previously unknown to researchers. The author concludes that the inability of Moscow and Washington to reach a consensus on the issue of credit was a diplomatic failure for both sides and played a significant role in growing tensions between the two countries.

Keywords: WWII, Soviet-American relations, loan, Roosevelt, Truman, Harriman, Stalin, Molotov, Morgenthau

For citation: Minkova K.V. Credit. issue in Soviet-American relations, 1944–1947', *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2020; 50 (6): 75-91.

DOI: 10.31857/S268667300009771-8

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о предоставлении кредита занимал важное место в советско-американских отношениях середины 1940-х годов. При этом он оказался незаслуженно обойдённым как отечественными, так и зарубежными историками. Между тем, изучение данной проблемы представляет большой интерес, поскольку она напрямую связана с комплексом других вопросов не только экономического, но и политического плана, которые в значительной степени повлияли на развязывание холодной войны.

Почему американская сторона, первоначально выступив с этой идеей, в итоге не захотела предоставлять Советскому Союзу кредит? Каких уступок ожидал Вашингтон от СССР, и на какие уступки Москва готова была пойти ради получения кредита? Что потеряли обе стороны, не придя к консенсусу о кредите?

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Возможность получения кредитов в США начала интересовать советское правительство фактически с первых месяцев Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Так, в меморандуме Наркомата внешней торговли СССР (НКВТ) «Касательно способов кредитования нашей торговли с США» от 30 августа 1941 г. за подписью Л.Я. Фрея и Л.Г. Жуховицкого излагаются четыре способа получения средств: через американскую Реконструктивную финансовую корпорацию (РФК) (только под обеспечение ценными бумагами США), через Экспортно-Импортный банк (ЭИБ) (не более 280 млн долл., под векселя страны-реципиента), через Стабилизационный Фонд (только с одобрения Конгресса, до 2 млрд долл., под советское золото) и по Программе ленд-лиза.

Помимо ленд-лиза наиболее приемлемым был признан вариант получения кредита от ЭИБ в размере 200–300 млн долл. на пять лет под 3% годовых, через правительственную корпорацию АМТОРГ или под гарантии Госбанка [1: 49].

Американская сторона относилась к идее предоставления СССР кредита весьма благосклонно. Ещё в сентябре 1939 г., в менее располагающей политической обстановке, крупный бостонский предприниматель У.Дж. Макдоналд обратился к Ф.Д. Рузвельту с телеграммой о возможности предоставления Советскому Союзу кредита в размере 1 млрд долл. сроком на десять лет с условием, что СССР будет ежегодно тратить 50 млн долл. на закупку американских промышленных товаров и не будет в этот период принимать участие в военных действиях [2].

В конце 1942 г. сотрудниками НКВТ была составлена Справка о получении кредита в США. Получению займа от Реконструктивной финансовой корпорации под векселя СССР препятствовал закон Джонсона 1934 г., запрещавший предоставление денежных кредитов тем иностранным государствам, которые не производят оплату долгов правительству США. Поэтому был предложен вариант предоставления кредита РФК АМТОРГУ под его векселя, а затем продажа им товаров и оборудования советским организациям в кредит. Предполагалось, что срок кредита составит от пяти лет при ставке 3–4% годовых [1: 23–25]. В итоге «обходить» закон Джонсона не понадобилось, поскольку закон «О ленд-лизе» был принят в марте 1941 г. именно для того, чтобы иметь возможность помогать союзникам, невзирая на проблему невыплаченных долгов. А в число должников попали и другие союзники по антигитлеровской коалиции, в том числе Великобритания.

Заявления о необходимости получения внешних кредитов после окончания войны впервые появились в стенах наркоматов внешней торговли и иностранных дел летом – осенью 1943 г. В июле сотрудники НКВТ направили

наркому А.И. Микояну записку с предложением о займе у Великобритании в 1 млрд долл. сроком на 25 лет под 2,5% годовых с началом погашения с 11-го года [3: 56].

Вопрос о покупке «высококачественных» американских товаров в кредит затронул И.В. Сталин в октябре 1943 г. на встрече с главой Комитета по военному производству США Д. Нельсоном в ходе его ознакомительной поездки по Советскому Союзу [4: 33–34]. Нельсон заявил, что американская промышленность будет рада поставкам в СССР из-за ожидающегося кризиса перепроизводства и что, по его мнению, такие поставки можно будет осуществлять в кредит. По словам самого Нельсона, Сталин был чрезвычайно заинтересован в возможности получить американские товары в кредит [Nelson, 1946: 212].

После возвращения Нельсона в США сотрудник европейского подразделения Госдепартамента Элбридж Дурброу инициировал в рамках специального созданного межведомственного комитета выяснение возможности наращивания торговли с СССР, которая могла бы служить обеспечением для выдачи советскому правительству кредита на восстановление экономики. Результаты исследования показали, что, находя СССР чрезвычайно привлекательным рынком сбыта для своих товаров, США не могут увеличить закупки в Советском Союзе более чем в 6–7 раз по сравнению с довоенным уровнем (не более 25 млн долл. в год), поскольку в СССР практически не производятся товары, которые представляли бы для США интерес. Соответственно, говорилось в заключении представленного комитетом отчёта, нецелесообразно предоставлять Москве кредит на сумму более 200 млн долл. на 10–20 лет [4: 33–34].

Однако об этих выводах советской стороне сообщено не было, и вопрос о кредите муссировался в наркоматах иностранных дел и внешней торговли на протяжении всего 1944 г. Не оставлял этот вопрос без внимания и министр финансов США Генри Моргентау-мл., который в 1944 г. неоднократно обсуждал с различными американскими и советскими партнёрами возможность предоставления СССР крупного кредита [5: 938–939].

Зимой – весной 1944 г. состоялась серия встреч А.И. Микояна с послом США в СССР А. Гарриманом, на которых приоритет отдавался обсуждению вопроса о кредите. В ходе этих встреч Гарриман сообщил Микояну, что сумма кредита «не принципиальна» и может быть увеличена по запросу СССР и что кредит может быть долгосрочным – от 20 лет и с отсрочкой погашения. Он также уведомил Микояна о том, что непосредственно во время войны и сразу после неё будет возможно получить только правительственный кредит, затем – через правительственное агентство, и только потом, через несколько лет после окончания военных действий, станет возможным получение кредита через частные фирмы и банки. Гарриман подчеркнул также, что предоставление

кредита будет напрямую зависеть от развития событий на Дальнем Востоке и от увеличения взаимного товарооборота СССР и США. Он обратил внимание Микояна на то, что речь идёт именно о кредите, а не о займе, так как при займе проценты начисляются сразу и не зависят от реального использования средств, а при кредите проценты начисляются только на те суммы, которые реально используются [6: 30–33]. При этом Гарриман неоднократно информировал Микояна о том, что у него нет официальных инструкций вести переговоры о кредите и он ожидает их из Вашингтона. Однако он постоянно предлагал «обсудить условия, на которых советская сторона будет принимать поставки [из США] по окончании военных действий, так как система ленд-лиза существует лишь на период войны» [6: 18].

При этом ещё 9 января 1944 г. Гарриман отправил госсекретарю США К. Хэллу, его заместителю и помощнику президента Г. Гопкинсу меморандум, в котором предлагал свои условия предоставления кредита (500 млн долл. США сроком на 25–30 лет под 2–3%) и указывал, что СССР может взаимодействовать с американскими фирмами напрямую, но государство должно будет осуществлять постоянный контроль над советскими закупками и налагать запреты на те из них, которые не отвечают запросам американской экономики и/или могут нести потенциальную угрозу для национальных интересов США [7: 157].

В своих донесениях в Вашингтон Гарриман неоднократно подчёркивал желательность быстрого решения вопроса (определения суммы, условий и способа предоставления кредита), однако чиновники Госдепартамента игнорировали эти просьбы. Во многом это было связано с тем, что американская сторона рассматривала общий для Москвы вопрос о кредите как два разных: поставку недополученных по ленд-лизу товаров и правительственный кредит на восстановление экономики. Более серьёзное внимание уделялось первому вопросу.

«ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР ПРИЗНАЕТ ВОЗМОЖНЫМ ДАТЬ ЗАКАЗЫ НА ОСНОВЕ ДОЛГОСРОЧНЫХ КРЕДИТОВ»

24 мая 1944 г. помощник госсекретаря Дин Ачесон вручил послу СССР в США А.А. Громыко проект дополнительного соглашения к Соглашению о взаимной помощи между СССР и США от 11 июня 1942 г. (Соглашение о ленд-лизе). По сути, оно представляло собой проект советско-американского кредитного соглашения на передачу Советскому Союзу товаров, остающихся в распоряжении США после прекращения поставок по ленд-лизу [8: 3].

14 сентября 1944 г. Ачесон направил второй проект указанного дополнительного соглашения в Правительственную закупочную комиссию СССР на имя заместителя наркома внешней торговли М.С. Степанова, находившегося в

тот момент в США. Аналогичное предложение вместе с проектом текста IV протокола о поставках по ленд-лизу было направлено 20 сентября А.А. Громыко [8: 3].

30 октября 1944 г. Громыко ответил на предложение Ачесона нотой на имя госсекретаря К. Хэлла, в которой сообщил: «Считая вполне своевременной постановку Правительством США вопроса о долгосрочном кредите в отношении некоторых поставок индустриального оборудования из Соединённых Штатов по IV протоколу, Советское Правительство имеет в виду сделать в ближайшее время по этому вопросу свои предложения» [9: 1151]. 7 ноября Ачесон сообщил, что США «будут рады дополнительно услышать точку зрения Советского Правительства по этому вопросу» [10: 11].

28 ноября и.о. госсекретаря США Э. Стеттиниус в ноте на имя Громыко поторопил советскую сторону с решением этого вопроса: «Ваше правительство понимает, что производство товаров, упоминаемых в предложенном добавлении, не может быть начато до подписания соглашения, если Ваше правительство не пожелает действовать без финансовой помощи по акту о ленд-лизе. Правительство Соединённых Штатов радо отметить, что Советское правительство рассматривает эти предложения и что ответ по этому вопросу может ожидаться в ближайшем будущем» [9: 1154–1156].

3 января 1945 г. нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов вручил А. Гарриману памятную записку, в которой вопрос о кредите впервые был освещён официально. Примечательно, что текст этого документа был составлен таким образом, будто советская сторона после долгих размышлений решила пойти навстречу американской и принять её предложение: «Ввиду неоднократных заявлений деятелей США о *желательности получения больших советских заказов* на переходное и послевоенное время, **Правительство СССР признает возможным дать заказы на основе долгосрочных кредитов** (выделено мною. – К.М.) на сумму до 6 млрд американских долларов <...> Кредит желательно получить на срок 30 лет с погашением, начиная с последнего дня 9-го года и кончая последним днем 30-го года» [11: 1].

Советское предложение было сделано сразу по двум каналам: помимо ноты, вручённой послу Гарриману, на следующий день Громыко по указанию Молотова, направил Стеттиниусу личную ноту, текст которой, подтверждая получение его ноты от 28 ноября, был сформулирован таким образом, как будто кредит Москве уже был одобрен: «Советское правительство выражает пожелание, чтобы Правительство США, не ожидая подписания соглашения о долгосрочном кредите, дало соответствующее указание уже сейчас принимать к выполнению советские заказы и на ту часть индустриального оборудования, которую Правительство США не согласно поставить по ленд-лизу на условиях Соглашения между СССР и США от 11 июня 1942 года и кото-

рую Советское Правительство готово оплачивать на условиях долгосрочного кредита» [5: 941].

Запрос Москвы очень быстро пошёл по инстанциям Госдепартамента. Уже 6 января Гарриман написал Стеттиниусу: «Я полагаю, что мы должны сделать всё возможное для оказания СССР помощи путём кредитов на развитие здоровой экономики. Я глубоко убеждён в том, что чем скорее Советский Союз сможет обеспечить своему народу достойную жизнь, тем более толерантным он станет» [5: 947]. При этом Гарриман полагал, что переговоры о предоставлении СССР кредита должны вестись отдельно от переговоров по урегулированию поставок по ленд-лизу [5: 947]. 10 января 1945 г. министр финансов США Г. Моргентау направил президенту Рузвельту меморандум, в котором предлагал дать Советскому Союзу кредит на большую сумму и на более льготных условиях – в размере 10 млрд долл. сроком на 35 лет под 2% годовых [5: 948].

15 января Громько сообщил в Москву о встрече с Моргентау, в ходе которой последний изложил ему указанные выше условия, указав, что кредит не обязательно должен проходить через Экспортно-Импортный банк, регулирующий подобные операции, так как Конгрессом может быть принят специальный закон, позволяющий обойти стандартную процедуру выдачи правительственного кредита [10: 3].

Впрочем, дальнейшего развития инициатива Моргентау не получила, поскольку столкнулась с рядом внутренних бюрократических препон. В частности, в Госдепартаменте начались споры о размере и форме предоставления кредита и его условиях. Кроме того, Экспортно-Импортный банк на тот момент не обладал соответствующими полномочиями и, самое главное, финансовыми возможностями. На начало 1945 г. он мог выдавать кредиты на сумму до 100 млн долл., а его резервный фонд составлял всего 150 млн, которые к 30 июня 1945 г. были исчерпаны [12: 545–546].

Соответственно прежде всего необходимо было провести через Конгресс закон о расширении полномочий ЭИБ и увеличении его акционерного капитала. Кроме того, советская сторона настаивала на рассмотрении вопроса о кредите в рамках переговоров по урегулированию поставок по ленд-лизу, считая это, по сути, одним вопросом [8: 6].

К началу Ялтинской конференции (4.02–11.02.1945) никакого консенсуса по этому вопросу в Вашингтоне достичь не удалось, поэтому на встрече он вообще не обсуждался. 2 февраля 1945 г. поверенный в делах СССР в США Н.В. Новиков получил от и.о. госсекретаря США Дж. Грю ноту, в которой подтверждалось получение советской ноты от 4 января и указывалось: «В отношении предложения Вашего правительства о том, чтобы, не ожидая окончательного соглашения и подписания Дополнительного соглашения к основному Соглашению по ленд-лизу, были бы даны указания для немедленного принятия со-

ветских заказов на промышленное оборудование, упоминаемое в вышеуказанном Дополнительном соглашении, я должен известить Вас, что моё правительство не может принять эти предложения. <...> Предложение Вашего правительства о долгосрочном кредите, покрывающем советские послевоенные запросы, недавно переданное Послу Гарриману, находится в процессе тщательного рассмотрения. Ответ на это предложение будет дан по возможности в кратчайший срок» [8: 5].

В дальнейшем ситуацию усложнила политическая обстановка: бомбардировки Дрездена, Бернский инцидент, негласное соперничество между союзниками в деле освобождения Европы, начало конференции Объединённых Наций в Сан-Франциско, в преддверии и в ходе которой американская сторона вообще воздерживалась от каких бы то ни было переговоров по не связанным с ней моментам. Кроме того, в феврале – апреле 1945 г. самым важным финансовым вопросом на повестке дня оставалось урегулирование формулировки текста IV протокола по поставкам, и переписка велась в основном по этому вопросу. При этом американская сторона не забывала информировать Москву о том, что «предложения Советского правительства, переданные в меморандуме от 3 января, подвергаются тщательному рассмотрению», однако они представляют собой «отдельный вопрос и должны рассматриваться отдельно от IV протокола» [8: 6–8].

10 марта 1945 г. Громько посетил Грю, чтобы ещё раз разъяснить ему позицию советской стороны: «Советское Правительство готово подписать IV протокол с оговоркой, которая будет сделана Советским представителем при подписании: “Ссылка в Протоколе на Дополнительное соглашение к Соглашению от 11 июня 1942 г. не означает согласия Советского Правительства на заключение такого Соглашения. Советское Правительство рассчитывает на разрешение вопроса о финансовых условиях соответствующих поставок на основе положений, изложенных в памятной записке, врученной Послу США в Москве 3 января 1945 г.”» [8: 8].

24 марта Грю передал Новикову памятную записку, в которой указывалось: «Правительство Соединённых Штатов желает сообщить Советскому правительству, что в настоящее время оно не может дать никаких заверений по предложениям Советского Правительства о послевоенном кредите <...> Эти предложения внимательно рассматриваются, но они составляют отдельный вопрос и должны рассматриваться отдельно от Четвертого протокола. Желательно далее подчеркнуть, что эти предложения вызвали бы принятие Конгрессом соответствующего дополнительного закона, выходящего за рамки акта о ленд-лизе, и потребовали бы, во всяком случае, значительного времени для приведения его в исполнение» [8: 9]. В этой же ноте советскую сторону уведомляли о том, что по причине её нежелания идти навстречу предложениям США переговоры отно-

сительно заключения Дополнительного соглашения к Соглашению о ленд-лизе прекращаются.

Однако вопрос о кредите по-прежнему оставался открытым для обсуждения. Ситуацию осложнило окончание войны в Европе (8.05.1945 г.) и прекращение поставок по ленд-лизу в соответствии с положениями закона «О ленд-лизе».

Отметим (оставив за рамками настоящей статьи реакцию советской стороны на прекращение поставок), что в результате этого обе стороны оказались в весьма странной ситуации. Советскому Союзу при вступлении в войну с Японией (через три месяца после окончания военных действий в Европе, как это было решено в Ялте) полагались дальнейшие поставки товаров по IV протоколу, однако Госдепартамент не мог обосновать Конгрессу необходимость их возобновления [5: 1027–1028]. Напомним к тому же, что 12 апреля 1945 г. из-за внезапной кончины Ф.Д. Рузвельта пост президента США перешёл к Гарри Трумэну, имевшему совершенно другой взгляд на советско-американские отношения.

28 мая 1945 г. на встрече в Москве В.М. Молотова и А.И. Микояна с А. Гарриманом и генералом С.П. Сполдингом, отвечавшим за ленд-лизевские поставки, Молотов напомнил Гарриману о том, что советское правительство до сих пор не получило официального ответа на записку от 3 января. В ответ Гарриман повторил привычную фразу о том, что «вопрос о предоставлении Советскому Союзу кредита изучается» и что Советское Правительство получит официальный ответ на свою записку [8: 11].

9 июня 1945 г. в письме на имя Молотова Гарриман сообщил: «Моё правительство определённо считает, что долгосрочные послевоенные кредиты являются важным элементом послевоенных отношений между нашими странами. Принимаются эффективные меры для издания необходимого закона, разрешающего предоставление долгосрочных кредитов для послевоенных целей. Однако пока Конгрессом не будет издано такого закона, никакие соглашения о подобных кредитах не могут быть официально санкционированы» [8: 12].

13 июля 1945 г. закон «О расширении полномочий и акционерного капитала Экспортно-Импортного банка США» был принят Палатой представителей 102-мя голосами против шести, 20 июля единогласно утверждён Сенатом и 31 июля подписан президентом Трумэном. Акционерный капитал банка был увеличен до 1 млрд долл. с возможностью выдавать кредиты на сумму до 3,5 млрд долл. ЭИБ не конкурировал с частными банками, а «дополнял и поощрял их». Закон Джонсона к его деятельности не применялся [13: 115]. Для Советского Союза был негласно зарезервирован 1 млрд долл. [Herring, 1973: 248].

9 августа Гарриман уведомил Молотова о том, что Экспортно-Импортный банк «в пределах своих полномочий <...> готов рассмотреть в Вашингтоне предложения, которые пожелает изложить Советское правительство». По сути, американская сторона предлагала начать переговоры с нуля, поскольку понятно было, что ранее обсуждавшуюся сумму – 6 и даже 10 млрд долл., а также сроки и условия кредита необходимо будет изменить. 13 августа Молотов «с благодарностью подтвердил» получение письма [14: 67].

16 августа глава Администрации внешнеэкономической помощи Лео Кроули официально сообщил председателю советской Правительственной закупочной комиссии Л.Г. Руденко о том, что Экспортно-Импортный банк может предоставить Советскому Союзу кредит в размере 1 млрд долларов [8: 24].

В НКВТ немедленно, на следующий же день, было принято решение добиваться предоставления кредита на следующих условиях: сроком на 30 лет, под 2,25% годовых, без дополнительных сборов ЭИБ и без вмешательства ЭИБ в размещение заказов в США; с оплатой фрахта судов за счёт кредита, со скидкой на покупку товаров и оборудования в размере 10% первоначальной [13: 81–82]. В последующей правке Микояна процентная ставка была увеличена до 2 $\frac{3}{8}$ %.

28 августа 1945 г. в ходе двусторонней встречи Руденко передал Кроули меморандум следующего содержания: «В соответствии с вашим предложением относительно покупки оборудования и материалов, оставшихся в США после окончания ленд-лиза, и по незаконченным ленд-лизским контрактам, стремясь всеми возможными способами содействовать решению этой проблемы, Правительство СССР **соглашается получить кредит** (выделено мною. – К.М.) для приобретения ленд-лизских материалов и оборудования, оставшихся в США после окончания ленд-лиза, и по незаконченным ленд-лизским контрактам, в общую сумму около 400 млн долларов [8: 13]. Кроме того, наше Правительство также желает получить, в соответствии с Вашим предложением, кредит через Экспортно-Импортный банк в Вашингтоне на финансирование новых заказов и покупку различных видов товаров в счёт одного миллиарда долларов». Подразумевалось, что этот кредит будет предоставлен на 30 лет из расчёта 2 $\frac{3}{8}$ % годовых [5: 1034–1036].

Кроули в ответ уведомил Руденко, что условия покупки остатков по ленд-лизу для всех стран одинаковые (30 лет и 2 $\frac{3}{8}$ % годовых), и для Советского Союза не может быть сделано никакой скидки, но относительно условий получения кредита у ЭИБ можно торговаться [15: 67]. Это связано с тем, что, хотя ставка по кредиту для всех стран одинаковая, ЭИБ может разработать специальные условия для СССР [15: 69].

10 сентября 1945 г. в устной беседе Кроули сообщил заместителю наркома внешней торговли В.А. Сергееву, что вопрос о кредите ЭИБ будет обсуждаться только после подписания соглашения о кредите и оплате непоставленных ко времени окончания войны материалов и оборудования, полученных по ленд-лизу [8: 24].

12 сентября совет попечителей ЭИБ «принципиально» согласовал выделение СССР кредита в размере 1 млрд долл., а 25 сентября президент Трумэн дал добро на начало переговоров с СССР [16: 1403–1404].

Здесь же стоит отметить, что американское общество к самой идее предоставления кредитов другим странам относилось отрицательно. Так, в октябре 1945 г. на вопрос, следует ли санкционировать кредит СССР и Великобритании, респонденты дали абсолютно одинаковый ответ: за – 27%, против – 60% [17: 213]. При этом, в сентябре 1945 г., отвечая на вопрос, в котором ассигнование СССР 6 млрд долл. США преподносилось как данность, за него высказались 84% опрошенных (из них 30,8% за государственный кредит и 49,8 – за частный); против – 9,4%, не дали ответа – 6,6% [17: 213]. На вопрос, вернёт ли СССР предоставленные на условиях кредита средства, утвердительно ответили 48% опрошенных, отрицательно – 32% [17: 214].

Несмотря на всё вышеизложенное, сентябрь 1945 г. стал очередным поворотным моментом в вопросе о получении кредита. Это связано с несколькими факторами.

Во-первых, несмотря на то что в советском запросе два кредита фактически объединялись в один, в США ими занимались совершенно разные ведомства. Вопрос о предоставлении средств на покупку ленд-лизированных товаров был решён сравнительно быстро: 15 октября 1945 г. стороны подписали так называемое Соглашение 3(с), по которому в дальнейшем должны были идти в СССР американские товары и оборудование из ленд-лизированных остатков [18].

Во-вторых, в правительственном аппарате США в этот период происходили существенные изменения. 27 сентября 1945 г. Трумэн подписал указ о закрытии Администрации внешнеэкономической помощи [19: 477]. О том, насколько масштабными были связанные с этим пертурбации, говорит лишь тот факт, что в момент создания этой структуры в 1943 г. в неё влились – частично или полностью – 43 разных правительственных агентства. Ссылаясь на возникшую неразбериху, в феврале 1946 г. американская сторона сообщила о том, что советский запрос о предоставлении кредита в размере 1 млрд долл. «затерялся в бумагах» [8: 13; Herring, 1973: 256].

Даже с учётом сложной ситуации, возникшей в Госдепартаменте осенью 1945 г., это объяснение кажется весьма недостоверным. Куда более логичной причиной того, что до февраля следующего, 1946 г. Москва не получила на запрос о предоставлении кредита никакого ответа, представляется

первоначальное желание американской стороны использовать вопрос о кредите в качестве рычага политического и экономического давления на Советский Союз.

В конечном счёте в Госдепартаменте не смогли (или не захотели) выработать политические условия предоставления кредита. Кроме того, к сентябрю 1945 г. вопрос о выделении кредита СССР рассматривался американской стороной уже исключительно в совокупности с другими проблемами в экономических взаимоотношениях двух стран. В частности, в меморандуме директора советского отдела Администрации внешнеэкономической помощи генерала Вессона, направленном 13 сентября 1945 г. Лео Кроули, указывалось на необходимость заключения с СССР торгового договора, соглашения о правах на рыболовство в Беринговом море и вокруг Алеутских островов, а также о неурегулированной претензии к СССР о поставках полученных по ленд-лизу товаров и оборудования в третьи страны [5: 1038–1039].

Советское руководство, разумеется, не знало о том, что в Вашингтоне его заявка на кредит «потерялась». В Наркомате внешней торговле на протяжении осени и зимы 1945–1946 гг. рассматривались различные варианты и условия, на которых СССР «был готов» получить американский кредит.

21 февраля 1946 г. госсекретарь Дж. Бирнс направил советскому поверенному в делах в Вашингтоне Ф.Т. Орехову ноту, в которой все накопившиеся к этому времени в двусторонних отношениях экономические вопросы, включая удовлетворение претензий американских граждан к Правительству СССР, достижение соглашения о свободной навигации по рекам, имеющим международное значение и т.д., предлагалось решать в комплексе. В ноте поднимался и вопрос о кредите: «Правительство данной страны считает, что запрошенный кредит входит в число важных экономических вопросов, разрешение которых необходимо для обеспечения солидных основ взаимовыгодных экономических отношений между Соединёнными Штатами и СССР. Поэтому Правительство США предлагает начать переговоры между Правительством Соединённых Штатов и Правительством СССР с целью общего урегулирования этих вопросов, *включая вопрос о запрошенном кредите* (курсив мой. – К.М.)» [20: 828–829].

Отметим, что действия США были вызваны не только изменением ситуации в мире (о чём упоминалось выше), но и политикой советского правительства в Восточной Европе и в Иране, отказом СССР от вступления в Бреттон-Вудские институты.

Москва же оказалась совершенно не готовой к такому развитию событий. Для ответа на ноту от 21 февраля 1946 г. советской стороне потребовался почти месяц. Причину этой проволочки упоминает в своих мемуарах А.И. Микоян: «Это было нам невыгодно, ибо они хотели за кредиты под нажимом получить от нас уступки по другим вопросам, к решению которых мы были не готовы» [Микоян А.И., 1999: 495]. Только 15 марта Новиков сообщил Бирнсу, о том, что «Со-

ветское Правительство согласно обсуждать с Правительством США сумму и условия долгосрочного кредита, заключение договора о дружбе, торговле и навигации и поиск методов реализаций положений ст. VII Соглашения о ленд-лизе и заключения соглашения об урегулировании поставок по ленд-лизу». Остальные вопросы, по мнению советского правительства, было нецелесообразно связывать с обсуждением вопроса о предоставлении кредита, однако оно выразило готовность обсуждать их в срок и в месте, которые будут согласованы обеими сторонами [19: 829–830].

За этими нотами примерно с тем же интервалом последовало ещё несколько, в которых Новиков и Бирнс, не идя на компромисс, раз за разом повторяли свои позиции [19: 834–837, 841–842, 844–845]. Так, последняя нота Бирнса от 13 июня 1946 г. вообще осталась без ответа, хотя в документах Наркомата внешней торговли сохранился его проект. В этом документе советская сторона подчёркивает, что изначально предложение о предоставлении кредита в размере 1 млрд долл. исходило от США и не привязывалось к урегулированию других экономических вопросов. Теперь же правительство США настаивает на комплексном подходе, что неизбежно приведёт к затяжкам и в итоге к отказу от предоставления кредита. В проекте ноты предлагалось комплексное решение четырёх вопросов: о сумме и условиях кредита, о подписании договора о дружбе, об урегулировании ленд-лизевских поставок и о реализации положений ст. VII Соглашения о ленд-лизе [15: 97].

14 сентября 1946 г. помощник госсекретаря по экономическим вопросам У. Клейтон в направленной в Москву ноте сообщил о готовности США начать отдельные переговоры об урегулировании поставок по ленд-лизу [15: 102].

Представляется, что эта нота стала своеобразным признанием дипломатического поражения обеих сторон в решении экономических вопросов. Советская сторона, верно интерпретировав её как отказ правительства США от дальнейших переговоров по вопросу о кредите, долго не давала на ноту ответ, что, в свою очередь, вызвало недовольство Вашингтона и привело к приостановке уже оплаченных советской стороной поставок по Соглашению 3(с) [20: 92–93]. Отметим при этом, что во внутренних документах Госдепартамента решение указанного выше перечня *экономических* вопросов действительно считалось тем условием, на которых США были готовы предоставить СССР кредит. В частности, в документе Госдепартамента под названием «Союз Советских Социалистических Республик: общая информация и политика» от 15 мая 1946 г. говорится о готовности правительства США предоставить советскому правительству кредит на восстановление экономики при условии интеграции СССР в международную систему торгово-финансовых отношений (т.е. вступления СССР в МВФ и МБРР, участия в переговорах по выработке Устава Меж-

дународной торговой организации, урегулирования расчётов по ленд-лизу и т.п.) [21: 10–11].

В последний раз вопрос о кредите возник в советско-американском политическом дискурсе в апреле 1947 г. на встрече И.В. Сталина с госсекретарем США Дж. Маршаллом. На упрёк Маршалла в том, что советское руководство задерживает урегулирование расчётов по ленд-лизу и не желает возвращать США военные корабли, предоставленные на время военных действий, Сталин ответил, что советское руководство в течение двух лет ждёт решения вопроса о кредите, инициированного американской стороной. Советский лидер подчеркнул, что за это время сумма кредита снизилась с 6 млрд долл. до одного, однако никакого решения так и не было принято. Дальнейшего развития в разговоре эта тема не получила.

Следует подчеркнуть, что советское руководство было заинтересовано именно в получении правительственного кредита, так как получение каких-либо займов у частных фирм могло «затруднить их получение у правительства» [3: 40 об.]. Однако теоретически у него были и другие возможности. В частности, в РГАЭ имеется меморандум Томаса Ламонта, председателя совета директоров компании «Дж.Пи Морган и Ко» (*J.P. Morgan & Co.*), датированный концом мая 1944 г. В этом документе сообщается, что ряд крупных промышленных компаний США будет готов договориться о поставках в СССР на условиях долгосрочного кредита. Однако, разумеется, предоставление кредита без гарантий или субсидий правительства могли позволить себе только очень крупные корпорации (например, «Дженерал электрик»). Предоставление такого кредита должно было напрямую зависеть не только от послевоенной стабилизации валюты, но и от установления прочного союза между СССР и США, а также от разрешения спорных вопросов между Россией и прибалтийскими странами, Балканами и Польшей [3: 273–276]. При этом отношение американского бизнеса к перечисленным вопросам было довольно циничным: далее в тексте меморандума Т. Ламонта указывалось: «Можно было бы достичь огромного преимущества, если бы можно было заранее заручиться одобрением администрации в отношении любого разрешения этого вопроса, которое будет принято» [3: 272].

По всей видимости, интерес американского бизнеса к Советскому Союзу был действительно большим, поскольку, припоминая «обескураживающий» опыт экспроприации американских вкладов правительством Советской России, Ламонт заканчивает свой меморандум призывом «выбросить из головы прошлые ошибки и принять все меры для достижения взаимопонимания» [3: 279].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важно отметить, что по большому счёту требования Вашингтона были для Москвы вполне приемлемыми. Во-первых, к маю 1946 г. Советский Союз значительно снизил планку запросов и был согласен и на миллиардный кредит (причём рассматривал получение этого кредита как ключ к дальнейшим переговорам по экономическим вопросам) [Липкин, 2012: 210–224]. Во-вторых, советское руководство ещё в 1944–1945 гг. всерьёз рассматривало возможность вступления в Бреттон-Вудские институты и было действительно заинтересовано в создании Международной торговой организации. Урегулирование расчётов по ленд-лизу также не вызывало принципиальных возражений. Таким образом, если бы советская сторона в феврале – марте 1946 г. начала переговоры о кредите вместе с другими экономическими вопросами, как это предлагали американцы, развитие международных отношений во второй половине XX века могло пойти по совершенно иному пути.

Впрочем, благоприятный момент был упущен намного раньше. Американская сторона уже с конца 1944 г. понимала, насколько предоставление кредита будет содействовать укреплению мощи Советского Союза. Согласно отчёту Управления стратегических служб, предоставленному в Госдепартамент в сентябре 1944 г., в результате войны Советский Союз потерял 16 млрд долл. (или 25% своего основного капитала), ещё около 4 млрд долл. составили потери товарно-материальных ценностей. По оценке авторов отчёта, без иностранных кредитов и репараций советская экономика могла выйти на довоенный уровень через три года после окончания военных действий. Кредиты в размере 1,5 млрд долл. в течение трёх лет подряд или репарации на эквивалентную сумму ускорили бы этот процесс на несколько месяцев. В заключении отчёта говорилось о том, что кредит лишь до известной степени можно использовать в качестве инструмента давления на переговорах, а задержать восстановление советской экономики можно лишь в том случае, если СССР будет вынужден по-прежнему содержать большую армию [Martel, 1979: 115–116].

Разумеется, пока отношения между Москвой и Вашингтоном оставались сравнительно дружескими, вопрос о кредите занимал важное место в повестке дня, а его решение тормозилось лишь бюрократическими препонами, связанными с проведением через Конгресс необходимого законодательства. Как только эти отношения начали ухудшаться, против Советского Союза начали применяться экономические санкции, в списке которых оказался и отказ от предоставления кредита.

ИСТОЧНИКИ

1. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 413. Оп. 12с. Д. 4653.
2. The Roosevelt Library. President's Official File 220. Russia. Box 2.
3. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12с. Д. 301.
4. Documents of Soviet-American Relations. In 5 Vols. Vol. IV. Ed. by H.J. Goldberg – Gulf Breeze, Fl.: Academic International Press, 2001. 450 p.
5. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1945. Vol. V. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1945.
6. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12с. Д. 7969.
7. The Roosevelt Library. Harry Hopkins Papers. Cont. 157.
8. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 20с. Д. 470.
9. FRUS. 1944. Vol. IV. 1944.
10. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12с. Д. 7984.
11. АВПРФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 2. Д. 29.
12. Documents on American Foreign Relations. Vol. VII: July 1944–June 1945. Ed by L.M. Goodrich and M.J. Carroll. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1947. 961 p.
13. РГАЭ. Ф.413. Оп. 12. Д. 10869.
14. АВПРФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 43. Д. 669.
15. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 20с. Д. 446.
16. FRUS. 1946. Vol. I.1946.
17. Public Opinion, 1935–1946./ Ed. by H. Cantril. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1951. 1191 p.
18. Справка МИД СССР и МВТ СССР по соглашению между СССР и США от 15 октября 1945 г. о распоряжении ленд-лизскими поставками, имеющимися в наличии или находящимися в процессе приобретения в США. Available at: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/72105> (accessed 09.03.2020).
19. FRUS. 1946. Vol. VI. 1946.
20. АВПРФ. Ф. 0129. Оп. 31. П. 195. Д. 45.
21. Union of Soviet Socialist Republics: Policy and Information Statement. Washington. D.C., Department of State, May 15, 1946.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Липкин М.А. СССР и проблема формирования многосторонних экономических организаций в 1940-х гг. // Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений / Отв. ред. Н.И. Егорова. М., Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. С. 210–224.

Микоян А.И. Так было. Москва: Вагриус, 1999, 612 с.

REFERENCES

Lipkin M.A. USSR and formation of multilateral economic organizations in the 1940s. In: *Multilateral diplomacy in bipolar system of international relations*. Ed. by N.I. Yegorova. Moscow: Dmitriy Pozharskiy University, 2012, p. 210–224. (In Russ.).

Herring G.C. Jr. *Aid to Russia, 1941–1946*. New York: Columbia University Press, 1973. 365 p.

Martel L. *Lend-Lease, Loans and the Coming of the Cold War: A Study of the Implementation of Foreign Policy*. Boulder, CO: Westview Press, 1979. 304 p.

Mikoyan A.I. *Tak bylo [And so it was]*. Moscow: Vagrius, 1999. 612 p. (In Russ.).

Nelson D.M. *Arsenal of Democracy: The Story of American War Production*. New York: Harcourt, Brace & Co, 1946. 437 p.

Rosenson A. The Terms of Anglo-American Financial Agreement. *The American Economic Review*, 1947, vol. 37, no 1, pp. 178–187.

Truman H.S. *Memoirs*. In 2 Vols. Vol. I: *The Year of Decisions*. New York, Doubleday, 1955. 596 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МИНКОВА Кристина Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

Российская Федерация, Санкт-Петербург. Университетская набережная, д. 7–9.

Kristina V. MINKOVA, Cand. of Sc. (History), Senior Lecturer at the Department of American Studies, Saint-Petersburg State University.

7-9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation.